А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 58** **27 февраля 2025 года**

О дисциплинарном производстве
в отношении адвокатов
Г.и
С.
по жалобе А.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе …., с участием представителей заявителя А. – А. Е.В., П. Н.В. (доверенность на бланке 33 АА … от 14 ноября 2024 года, удостоверена нотариусом К. нотариального округа Аб. Г.Ю., зарегистрирована в реестре за №…, личности установлены по паспортам), адвокатов Г. и С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. от 13 ноября 2024 года (вх. №… от 18 ноября 2024 года) в отношении адвокатов Г. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) и С. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 января 2025 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном

судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившемся в том, что, действуя в качестве защитника А. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, находившемуся в производстве С. районного суда города Москвы (уголовное дело №…в суде первой инстанции), а затем - Московского городского суда (уголовное дело № .. в суде апелляционной инстанции), адвокат С.:

- предоставил в материалы вышеуказанного уголовного дела Ордер № … от 15 ноября 2023 года, выданный Адвокатским бюро «П.» адвокату С. «на ознакомление с уголовным делом № .. в С. районном суде города Москвы, составление апелляционной жалобы в интересах А., участие в суде апелляционной инстанции» с 15 ноября 2023 года, а также Ордер № .. от 27 ноября 2023 года, выданный Адвокатским бюро «П.» адвокату С. «на составление и подачу апелляционной жалобы в интересах А. в Московский городской суд, участие в судебных заседаниях» с 27 ноября 2023 года, содержащие недостоверные сведения о заключении адвокатом С. в простой письменной форме в порядке, установленном ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 50 УПК РФ, соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего осуществление защиты А. в уголовном судопроизводстве;

- оказывал доверителю А. юридическую помощь в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи на защиту А., заключенного с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 50 УПК РФ, а лишь на основании устной договоренности с А., а именно: ознакомился 15 ноября 2023 года с материалами уголовного дела № … в С. районном суде города Москвы и подал в судебную коллегию по уголовным делам Московского городского суда (через С. районный суд города Москвы) апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № …в отношении А.;

- не согласовал предварительно с доверителем А. содержание поданной им апелляционной жалобы от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А.;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), пп. «б» п. 4, п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской

палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол №8), адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившемся в том, что, действуя в качестве защитника А. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, находившемуся в производстве С. районного суда города Москвы (уголовное дело № … в суде первой инстанции), а затем - Московского городского суда (уголовное дело № .. в суде апелляционной инстанции), адвокат Г.:

- предоставил в материалы вышеуказанного уголовного дела Ордер №… от 22 ноября 2023 года, выданный филиалом «Ц.» коллегии адвокатов «М.» адвокату Г. на «Апелляционное обжалование А. в Московском городском суде на стадии апелляционного обжал.» с 22 ноября 2023 года, содержащий недостоверные, по крайней мере на дату его выдачи, сведения о заключении адвокатом Г. соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего осуществление защиты А. в уголовном судопроизводстве;

- приступил к оказанию юридической помощи доверителю А. в отсутствие его согласия на оказание ему юридической помощи, составив не позднее 27 ноября 2023 года в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи А. апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № .. в отношении А.;

- в отсутствие согласия А. на осуществление его защиты адвокатом Г. подал апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № .. в отношении А., а затем принял участие в качестве защитника А. по вышеуказанному уголовному делу в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда 02 апреля 2024 года при рассмотрении апелляционных жалоб, поданных на вышеуказанный приговор защитниками А. – адвокатами Г. и С. (уголовное дело № …в суде апелляционной инстанции);

3) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившемся в том, что, подав несогласованную с доверителем А. апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А., адвокат Г. в ее просительной части изложил, в том числе просьбу об «изменении приговора» и назначении А. «наказания, не связанного с лишением свободы», а затем поддержал, в том числе и данную позицию в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда 02 апреля 2024 года по

уголовному делу №…в отношении А., тем самым заняв по делу позицию, противоположную позиции отсутствующего в судебном заседании суда апелляционной инстанции доверителя – осужденного А., который в ходе судебного разбирательства в С. районном суде города Москвы по этому же уголовному делу занимал позицию о необходимости его освобождения от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291.1 УК РФ;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе А. от 13 ноября 2024 года (вх. .. от 18.11.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе А. от 13 ноября 2024 года (вх. №… от 18.11.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен, признает факт допущенного им дисциплинарного проступка. Обязуется в дальнейшем подобных нарушений не допускать.

Адвокат Г. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен и не согласен. Поддержал свои письменные возражения от 24 февраля 2025 года (вх. № 1463 от 24 февраля 2025 года), согласно которым А. давал ему согласие на оказание юридической помощи в виде рукописного заявления в адрес суда, копия которого приложена к возражениям. Пояснения представителей заявителя – А. Е.В. и П. об обратном являются ложными. Нарушений порядка оформления ордера он не допустил. Заявленная суду апелляционной инстанции позиция об изменении приговора и назначении наказания, не связанного с лишением свободы, была согласована с доверителем А. через П. и не противоречила интересам доверителя. Полагает, что какой-либо вред его действиями А. не причинен.

Заявитель А., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, обеспечил участие в заседании представителей.

Представители заявителя А. – А. Е.В. и П. в заседании Совета пояснили, что согласны с выводами Квалификационной комиссии в отношении адвоката С. Полагают, что Квалификационная комиссия правильно разобралась в ситуации, роль адвоката С. действительно была несущественной, и он не причинил умышленного вреда интересам А. С учетом роли и позиции адвоката С. они просят применить к нему наименее строгую меру дисциплинарной ответственности. В отношении адвоката Г. они не согласны с выводами Квалификационной комиссии о том, что последний не преследовал цели причинить вред А. Полагают, что действия

адвоката Г. были согласованы с третьим лицом, желавшим наступления вредных для А. последствий. В качестве последствий действий адвоката Г. назвали вынесение в отношении А. обвинительного приговора. Представленные адвокатом Г. в свое оправдание документы, в том числе копия заявления от имени А., являются поддельными. П. также категорически отрицает какие-либо свои предварительные контакты с адвокатом Г., на которые последний ссылается. Просят применить к адвокату Г. наиболее строгую меру дисциплинарной ответственности.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

13 ноября 2023 года судьей С. районного суда города Москвы К. провозглашен приговор по уголовному делу № .., которым подсудимый А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 291.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет и шесть месяцев со штрафом в размере однократной суммы взятки, то есть в размере 51 500 000 рублей. На основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение А. по приговору Т. районного суда города Москвы от 30 октября 2018 года. На основании ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения к наказанию, назначенному по вышеуказанному приговору, неотбытой части наказания по приговору от 30 октября 2018 года, А. окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок семь лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере однократной суммы взятки, то есть в размере 51 500 000 рублей. Этим же приговором ранее избранная в отношении А. мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении изменена на заключение под стражу до вступления приговора в законную силу.

Защиту А. на стадии судебного разбирательства осуществлял адвокат К.

Постановлением судьи С. районного суда города Москвы К. от 13 ноября 2023 года А. объявлен в розыск. В обоснование данного постановления суд указал, что на оглашение вышеуказанного приговора А. не явился, причину неявки суду не сообщил, его местонахождение установить не представляется возможным.

15 ноября 2023 года адвокат С. ознакомился в С. районном суде города Москвы с материалами уголовного дела № .. в отношении А., предъявив ордер от 15 ноября 2023 года № 020, выданный ему Адвокатским бюро «П.» на основании «соглашения» «на ознакомление с уголовным делом № .. в С. районном суде города Москвы, составление апелляционной жалобы в интересах А., участие в суде апелляционной инстанции».

27 и 28 ноября 2023 года на указанный приговор поступили апелляционные жалобы защитников А. – адвокатов С. и Г.

К апелляционной жалобе адвоката С. от 27 ноября 2023 года был приложен ордер от 27 ноября 2023 года № .., выданный ему Адвокатским бюро «П.» на основании «соглашения» «на составление и подачу апелляционной жалобы в интересах А. в Московский городской суд, участие в судебных заседаниях» с 27 ноября 2023 года.

К апелляционной жалобе адвоката Г. от 27 ноября 2023 года был приложен ордер от 22 ноября 2023 года № 879, выданный ему филиалом «Центральный» коллегии адвокатов «М.» на основании «соглашения» на «Апелляционное обжалование А. в Московском городском суде на стадии апелляционного обжал.» [*Так указано в ордере – Примечание Совета*] с 22 ноября 2023 года.

Апелляционная жалоба адвоката Г. содержит, среди прочего, просьбу об изменении приговора и назначении А. наказания, не связанного с лишением свободы.

02 апреля 2024 года при рассмотрении вышеуказанных апелляционных жалоб судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда принял участие в качестве защитника А. адвокат Г., поддержавший свою апелляционную жалобу. Осужденный А., а также адвокат С. участия в этом судебном заседании не принимали. В этот же день апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда приговор в отношении А. изменен: из него исключено указание на исчисление срока отбывания наказания осужденным А. со дня вступления приговора в законную силу, определено исчислять этот срок со дня его фактического задержания. В остальной части приговор оставлен без изменения, а апелляционные жалобы защитников А. – адвокатов С. и Г. оставлены без удовлетворения.

Заявитель А. выдвигает против адвокатов Г. и С. дисциплинарные обвинения в оказании ему юридической помощи в отсутствие установленных законом оснований, а также вопреки его воле и без согласования с ним позиции по делу. Указывает, что адвокаты Г. и С. действовали в интересах Ас. на основании неизвестного А. и неизвестно с кем подписанного соглашения, без согласования с ним, без его одобрения и в его отсутствие. Кроме того, адвокатами не была согласована позиция по делу при апелляционном обжаловании приговора.

Адвокат С. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутое дисциплинарное обвинение первоначально отрицал, настаивая, что между ним и А. в ходе личных встреч было достигнуто соглашение о представлении интересов последнего в суде апелляционной инстанции. При этом претензий или заявлений об отказе от его юридической помощи от А. или иных лиц в адрес адвоката С. не поступало вплоть до окончания судебного заседания суда апелляционной инстанции, в котором он вообще не участвовал. Подачу жалобы на его действия связывает с тем, что решение суда апелляционной инстанции А. не устроило. Вместе с тем, адвокат С. признал, что действовал

в интересах А. лишь на основании его устных поручений на ознакомление с материалами уголовного дела и подачу апелляционной жалобы, полагаясь на обещания последнего о том, что супруга осужденного заключит с ним письменное соглашение об оказании юридической помощи, а сам А. в дальнейшем свяжется с адвокатом С. по вопросу о необходимости осуществления его защиты в судебном заседании суда апелляционной инстанции. После ознакомления с заключением Квалификационной комиссии адвокат С. с выводами Комиссии полностью согласился, дисциплинарный проступок признал, но по-прежнему указал, что рассчитывал на последующее заключение письменного соглашения, как это было оговорено устно.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства, не соглашаясь с доводами жалобы, указывал, что между ним и П. в интересах А. было заключено соглашение об оказании юридической помощи. П. передала адвокату Г. нотариально удостоверенную доверенность, выданную А. адвокату Г. на представление интересов А., в том числе в судах. Содержание поданной адвокатом Г. апелляционной жалобы предварительно согласовывалось с П.

Давая оценку дисциплинарным обвинениям в оказании адвокатами С. и Г. юридической помощи А. в отсутствие установленных законом оснований, а также вопреки его воле и без согласования с ним позиции по делу, Совет отмечает, что в силу п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне (пп. 1); занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного (пп. 2).

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Согласно п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В силу п. 2 ст. 25 названного Закона, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В п. 4 ст. 25 указанного Закона определены существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, а именно:

1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате;

2) предмет поручения;

3) условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

Ранее дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы неоднократно указывали, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (*см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (*см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам

(см. п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (*См. Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11-12 (13-14). С. 18*).

Из приведенных положений следует, что обязанность по обеспечению надлежащей формализации отношений с доверителем А. лежала на адвокатах С. и Г.

Проверяя соблюдение вышеуказанных профессионально-этических предписаний адвокатом С., Совет учитывает, что, согласно письменным объяснениями адвоката С., А. первоначально обратился к нему за оказанием юридической помощи еще до вынесения в отношении него приговора, и адвокат С. лично встречался с А., общался с ним по телефону, направлял ему документы.

При этом доводы представителей заявителя А. – А. Е.В. и П., которые в ходе дисциплинарного разбирательства утверждали, что А. адвоката С. не видел и с ним не общался, опровергаются представленными адвокатом С. сведениями детализации счета оператора связи «Т2» по номеру телефона «+7 (950) 330-**-**» абонента С. за период с 01 ноября 2023 года по 01 декабря 2023 года. Из них следует, что в 20 часов 00 минут 14 ноября 2023 года, то есть на следующий день после провозглашения приговора в отношении А., на номер телефона адвоката С. поступил входящий вызов продолжительностью 08 минут 45 секунд с номера телефона «+7 (916) 688-**-**», который в протоколе допроса обвиняемого А. от 19 апреля 2023 года указан в качестве номера телефона последнего.

При таких обстоятельствах Совет признает неопровергнутой позицию адвоката С. о его личном общении с А., по крайней мере до 15 ноября 2023 года, когда с неизвестного номера он получил сообщение: «Д., добрый вечер. Это В., я пока попрячусь с этим номером».

В то же время, объяснения адвоката С. о том, что первоначально А. желал пригласить его в качестве защитника в ходе судебного разбирательства в С. районном суде города Москвы, а также о том, что именно в связи с этим адвокат С. 09 октября 2023 года общался с А. в помещении С. районного суда города Москвы, являются последовательными и непротиворечивыми, подтверждаются материалами его переписки с абонентом «А.» посредством мессенджера WhatsApp, которая отражает обсуждение участниками переписки встреч 03 и 09 октября 2023 года. При этом данная переписка велась адвокатом С. еще до момента предполагаемого знакомства А. Е.В. и А. с Ас. Е.В., которое, согласно объяснениям представителя А. – А. Е.В., произошло лишь после вынесения С. районным судом города Москвы приговора от 13 ноября 2023 года. Довод адвоката С. о достижении с А. предварительной устной договоренности об оказании ему

юридической помощи подтверждается фактом внесения им 16 ноября 2023 года, то есть еще до момента подачи апелляционной жалобы от 27 ноября 2023 года, денежных средств в сумме 100 000 рублей на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «П.».

Совет также учитывает, что после ознакомления с заключением Квалификационной комиссии представители заявителя пояснили, что разобрались в ситуации и согласны, что адвокат С. ранее общался с А. Обратное они утверждали, поскольку не могли выяснить данный вопрос у самого А., местонахождение которого им в настоящее время неизвестно.

Таким образом, Совет признает факт коммуникации адвоката С. с заявителем А. установленным и приходит к выводу о том, что между адвокатом С. и А. было заключено устное соглашение об оказании юридической помощи.

Вместе с тем, адвокат С. в ходе дисциплинарного производства признал, что действовал в интересах А. лишь на основании его устных поручений на ознакомление с материалами уголовного дела, а также на подачу апелляционной жалобы на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, полагаясь на обещания последнего о том, что его супруга А. Е.В. заключит с адвокатом С. письменное соглашение об оказании юридической помощи, а равно о том, что сам А. в дальнейшем свяжется с адвокатом С. по вопросу о необходимости осуществления его защиты в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Однако фактически письменное соглашение об оказании юридической помощи доверителю А. адвокатом С. не заключалось ни с ним, ни с его супругой А. Е.В., с которой адвокат С. в действительности никогда не встречался и не общался.

Таким образом, подтвержденный письмом управляющего партнера Адвокатского бюро «П.» П.. факт регистрации в документации адвокатского образования вышеуказанного соглашения об оказании юридической помощи, подписанного в одностороннем порядке только адвокатом С., не может рассматриваться как доказательство исполнения адвокатом С. профессиональной обязанности по надлежащей формализации правоотношений с доверителем.

Вступление адвоката С. в уголовное дело при фактическом отсутствии соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме, предопределило нарушение им установленного порядка заполнения описанных выше ордеров от 15 ноября 2023 года № 020 и от 27 ноября 2023 года № 032.

Согласно п. 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования. Строки: «поручается» и «основание выдачи ордера» заполняются только после

заключения адвокатом соглашения с доверителем или получения поручения в порядке назначения на оказание юридической помощи (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2018. № 1 (60). С. 146-147*).

На дату оформления вышеуказанных ордеров форма ордера, выдаваемого адвокату адвокатским образованием, была утверждена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2013 года № 47 «Об утверждении ордера», где в качестве сведений, обязательных к размещению, указаны, в том числе, реквизиты соглашения.

Кроме того, Порядок изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам предусматривает, что ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним несет адвокат, которому выдан ордер (п. 3.2).

Таким образом, предъявив при осуществлении защиты А. указанные ордера, содержащие недостоверные сведения о заключении соглашения об оказании юридической помощи А., адвокат С. нарушил требования к порядку заполнения ордера.

Свой дисциплинарный проступок в части оказания юридической помощи в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи адвокат С. признал, отметив, что именно в связи с этим он впоследствии отказался от участия в заседании суда апелляционной инстанции.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года; *Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140-142*) (далее – Стандарт), содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу.

При этом Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. содержание своей апелляционной жалобы с доверителем А. не обсудил и не согласовал, ограничившись лишь письменным общением с лицом, представившемся А. и просившим ему не звонить. При таких обстоятельствах адвокат С. должен был проявить особую осмотрительность и был не вправе ограничиваться лишь формальным направлением текста поданной им апелляционной жалобы на сообщенный ему адрес электронной почты уже после ее подачи, а был обязан предварительно согласовать ее содержание с доверителем А. Доказательств наличия объективных препятствий для предварительного согласования доводов и содержания апелляционной жалобы адвокат С. не представил.

Эти обстоятельства указывают на нарушение адвокатом С. требований п. 5 Стандарта об обязательности согласования с подзащитным позиции по делу.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1

п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (Протокол № 8), п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем А. при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем, Совет не усматривает оснований для вывода о том, что адвокат С. умышленно действовал вопреки воле и законным интересам доверителя А., поскольку он не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, как и довод заявителя А. о том, что адвокат С. оказывал ему юридическую помощь в заседании суда апелляционной инстанции. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности в данной части неопровергнутой, а дисциплинарное производство – подлежащим прекращению.

Переходя к рассмотрению дисциплинарных обвинений, выдвинутых против адвоката Г., Совет отмечает, что, согласно доводам письменных объяснений последнего от 26 ноября 2024 года, он действовал на основании заключенного 28 ноября 2023 года с доверителем П. в интересах А. соглашения об оказании юридической помощи, получив от П.. вознаграждение в размере 30 000 рублей, а также согласовав с ней содержание поданной им в защиту А. апелляционной жалобы на приговор. При этом П.. предоставила ему доверенность от 15 ноября 2023 года, выданную А.. адвокату Г. на представление его интересов, а также предъявила доверенность от 15 ноября 2023 года, выданную А. П.. на представление его интересов. После ознакомления с заключением Квалификационной комиссии адвокат Г., как указано выше, представил на него письменные возражения, в которых, среди прочего, сослался на то, что факт согласования А. его участия в апелляционном обжаловании подтверждается рукописным заявлением в С. районный суд города Москвы от имени последнего, а также аналогичным заявлением П.. Плохо читаемые копии указанных заявлений, не содержащие дат и отметок об их принятии судом, адвокат Г. приобщил к своим возражениям, затруднившись объяснить эти дефекты и их представление только перед заседанием Совета.

Заявитель А. и его представители, в том числе П.., знакомство с адвокатом Г. отрицают, настаивают на том, что данный адвокат действовал в качестве защитника А. в отсутствие предусмотренных законом оснований, а также против воли и законных интересов последнего. Представители заявителя – А. Е.В. и П. также отрицают подписание каких-либо соглашений с адвокатом Г. об оказании юридической помощи А. и передачу ему вознаграждения в размере 30 000 рублей. Доверенность от 15 ноября 2023 года адвокату Г. заявитель А. выдал по указанию Ас. Е.В., не будучи

знакомым с адвокатом Г., а также не для целей оказания юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Оценивая данные объяснения, Совет отмечает, что копия Соглашения об оказании юридической помощи от 28 ноября 2023 года №…, заключенного между адвокатом Г. и доверителем П., с письмом главного бухгалтера Коллегии адвокатов «М.» Х.. исх. № … от 14 января 2025 года, направленным в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы №… от 24 декабря 2024 года, не поступила. К тому же, содержащееся в вышеуказанном письме утверждение о том, что данное соглашение заключено между доверителем А. и адвокатом Г., противоречит содержанию представленной адвокатом Г. в материалы дисциплинарного производства копии Соглашения об оказании юридической помощи от 28 ноября 2023 года № .., в качестве сторон которого указаны доверитель П.. и адвокат Г.

Более того, подписи, выполненные от имени доверителя П. в указанном Соглашении, а также в Договоре поручения от 19 декабря 2023 года на внесение в кассу адвокатского образования вознаграждения в размере 30 000 рублей, копии которых представлены в материалы дисциплинарного производства адвокатом Г., имеют существенные визуальные различия. В свою очередь, ни одна из этих подписей визуально не соответствует семи единообразным подписям П. в следующих документах:

- в паспорте гражданина Российской Федерации П.. серии .. № .., выданном 05 мая 2007 года;

- в жалобе П.. на действия адвоката Г. от 16 октября 2024 года, ранее поступившей в Адвокатскую палату города Москвы [*Дисциплинарное производство по жалобе П.. от 16 октября 2024 года не возбуждалось – Примечание Совета*];

- в доверенности на представление интересов П.. от 25 июля 2024 года, удостоверенной нотариусом города Москвы С.. и зарегистрированной в реестре за № 77/508-н/77-2024-4-1291, приложенной к вышеуказанной жалобе.

При этом Совет отмечает, что адвокат Г., руководствуясь обязательными для него предписаниями Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) (*Вестник адвокатской палаты города Москвы 2019. № 2 (145). С. 127-131*), был обязан установить личность П., ознакомившись с ее паспортом при заключении с ней соглашения об оказании юридической помощи в интересах А.

Далее Совет отмечает, что в представленном адвокатом Г. Соглашении с П. об оказании юридической помощи от 28 ноября 2023 года № … сформулирован следующий предмет поручения: «подготовка апелляционной жалобы и осуществление защиты А. на стадии рассмотрения апелляционной жалобы в Московском городском суде». При этом в данном соглашении об

оказании юридической помощи П. указана не в качестве представителя доверителя А., а именно в качестве доверителя, заключающего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи третьему лицу.

В этой связи Совет отмечает, что заключение соглашения об оказании юридической помощи в пользу третьего лица с доверителем, не являющимся законным представителем получателя юридической помощи, само по себе не порождает правового основания для осуществления адвокатом защиты такого лица в уголовном судопроизводстве, поскольку согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Доверенность от 15 ноября 2023 года, выданная адвокату Г. на представление интересов А., удостоверенная Б.., временно исполняющим обязанности нотариуса города Москвы К.., зарегистрированная в реестре за № …, не содержит конкретного поручения адвокату Г. на осуществление защиты в уголовном судопроизводстве. Кроме того, в силу прямого указания закона об обязательности заключения соглашения об оказании юридической помощи доверенность не может подменять такое соглашение и являться основанием для выдачи адвокату ордера, необходимого для вступления в уголовное дело.

Следовательно, осуществлению защиты А. в уголовном судопроизводстве даже на основании какого бы то ни было соглашения, заключенного в пользу А. с иным лицом, должно было предшествовать выполнение адвокатом Г. комплекса обязательных действий, без совершения которых правовое основание для оказания А. юридической помощи не возникло.

Так, в силу положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно требованиям вышеуказанного Стандарта, адвокат обязан не только «согласовать с подзащитным позицию по делу» (п. 5), но и «получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом» (пп. «б» п. 4).

В п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета от 27 июня 2019 года, Протокол № 8) указывается: «По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше

нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) С. 127-131*).

Адвокат Г. подтвердил, что с А. он никогда не общался, свое участие в апелляционном обжаловании, содержание апелляционной жалобы и позицию по делу не согласовывал. В качестве согласия А. на оказание ему какой-либо юридической помощи он расценивает якобы выданную ему доверенность, а также описанное выше заявление А., адресованное С.у районному суду города Москвы.

Совет также отмечает, что на Соглашении об оказании юридической помощи от 28 ноября 2023 года № .., копия которого представлена адвокатом Г. в материалы дисциплинарного производства, отсутствует подпись доверителя П., подтверждающая получении ею экземпляра. Отсутствие этой подписи свидетельствует о том, что П. даже в том случае, если, вопреки ее категорическому отрицанию, она действительно заключила указанное Соглашение, не располагала экземпляром этого соглашения и, следовательно, не могла ознакомить с ним получателя юридической помощи А. Это обстоятельство дополнительно подтверждает обязательность получения адвокатом Г. отдельного и исключающего какие-либо разумные сомнения согласия А. на осуществление его защиты по уголовному делу, вне зависимости от возможного оказания ему этим адвокатом иной юридической помощи. Указываемые адвокатом Г. обстоятельства, при которых он якобы заключил соглашение с П. на оказание юридической помощи А. без обсуждения данного вопроса с последним, тем более должны были породить у адвоката Г. осознание необходимости тщательного согласования с А. принятого на себя поручения.

При этом обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства, указывают на то, что хотя А. к моменту

начала оказания адвокатом Г. юридической помощи и был объявлен в розыск, это не исключало его общения с А. Е.В. и П., а следовательно, и с адвокатом Г. Поэтому, действуя разумно, добросовестно и осмотрительно, адвокат Г. имел реальную возможность получить надлежащим образом зафиксированное согласие А. на оказание юридической помощи по уголовному делу, а в дальнейшем и согласовать с ним позицию по делу.

Оценивая представленную адвокатом Г. копию заявления от имени А. в С. районный суд города Москвы о якобы желании последнего, чтобы его защиту осуществлял указанный адвокат, Совет вновь отмечает крайне низкое качество этой копии. Кроме того, она не содержит даты и каких-либо отметок о ее принятии судом, хотя адвокат Г. ссылается на то, что оригинал данного документа находится в материалах уголовного дела. Необходимо также учитывать, что названное заявление адресовано в С. районный суд города Москвы, тогда как рассмотрение апелляционной жалобы в защиту А. осуществлялось иной судебной инстанцией, в заседании которой только и участвовал адвокат Г.

Кроме того, в своих письменных объяснениях от 26 ноября 2024 года адвокат Г. подтвердил, что не получил письменного согласия А., равно как и не принимал меры к его получению, ограничившись лишь получением указанной доверенности. После ознакомления с заключением Квалификационной комиссии адвокат Г. изменил свою позицию, представив в плохо читаемую копию документа, доказательства авторства и подачи которого А. отсутствуют.

Как указано выше, заявитель А. и его представители категорически отрицают факт каких бы то ни было согласований участия адвоката Г. в защите А., в том числе подачи рукописного заявления в С. районный суд города Москвы.

Совет также отмечает, что объяснения адвоката Г. о том, что к оказанию юридической помощи он приступил на основании указанного выше соглашения, заключенного с П., опровергаются содержанием представленного им корешка ордера от 22 ноября 2023 года № …, выданного ему филиалом «Ц.» Коллегии адвокатов «М.» на основании «соглашения» на «Апелляционное обжалование А. в Московском городском суде на стадии апелляционного обжал.» То, что в подтверждение своих полномочий адвокат Г. предъявил именно ордер, корешок которого им был представлен в материалы дисциплинарного производства, подтверждается сведениями, указанными на л. 9 его апелляционной жалобы, где среди прочих приложений указан «ордер адвоката Г. № 879 от 22.11.2023». Таким образом, фактически ордер на осуществление защиты А. был оформлен адвокатом Г., во всяком случае, до оформления им Соглашения об оказании юридической помощи, что дополнительно опровергает его позицию. Более того, апелляционная жалоба адвоката Г. также датирована им 27 ноября 2023 года, то есть более ранней датой, чем указанная дата оформления соглашения об оказании юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой и приходит к выводу, что последний приступил к оказанию юридической помощи А. в уголовном судопроизводстве в отсутствие согласия последнего на оказание ему такой юридической помощи. Следовательно, основания для оказания юридической помощи доверителю А. у адвоката Г. отсутствовали, а положения п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» были им грубо нарушены. При этом адвокат Г. нарушил и вышеприведенные положения п. 2.1 и п. 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, указав в ордере от 22 ноября 2023 года № 879 недостоверные сведения о правовом основании его выдачи - соглашении об оказании юридической помощи, которое в действительности отсутствовало, по крайней мере, на дату заполнения указанного ордера.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой, а его умышленную вину в неисполнении предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, пп. «б» п. 4, п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу - в пользу третьего лица» – установленной.

Кроме того, в просительной части апелляционной жалобы адвоката Г. от 27 ноября 2023 года содержатся взаимно противоречивые требования, одно из которых явно не соответствует позиции А., отраженной в приговоре в отношении него. Из данного приговора усматривается, что сторона защиты занимала позицию о необходимости прекращения уголовного дела на основании примечания к ст. 291.1 УК РФ.

Между тем, наряду с заявлением данного требования, адвокат Г. в своей апелляционной жалобе одновременно просил «в случае если суд не найдет оснований для прекращения производства по уголовному делу на основании примечания к ст. 291.1 УК РФ», приговор изменить, назначить А. наказание, не связанное с лишением свободы.

В связи с этим Совет отмечает, что занятие адвокатом Г. противоречивой «альтернативной» позиции при осуществлении защиты не может рассматриваться в качестве добросовестного исполнения им своих профессиональных обязанностей. Недопустимость такого подхода к осуществлению уголовной защиты неоднократно отмечалась в трудах, сформировавших облик российской адвокатуры. Окончательный вывод, к

которому приходит адвокат, «может быть только вполне определенным и однозначным, без всяких вариантов и альтернатив – оправдать подсудимого или изменить формулировку обвинения и квалификацию деяния на более легкую, применить смягченное наказание или вовсе его не применять» (*Строгович М.С. Деятельность адвокатов в качестве защитников обвиняемых // Советское государство и право. 1981. № 8 С. 93*), ибо «несколько заключительных слов обращают всю защиту в пепел» (*Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юид. Лит. 1988. С. 211*). В дисциплинарной практике непоследовательность в позиции адвоката расценивается как проявление его недобросовестности, влекущее дисциплинарное взыскание (*Дисциплинарная практика Московской городской и областной коллегий адвокатов. 1971 // Вопросы адвокатуры. 2003. № 3 (33). С. 39*).

Однако в данном случае такая позиция адвоката Г. не просто являлась «альтернативной» - предложенный адвокатом Г. «альтернативный» вариант разрешения дела в виде изменения приговора и назначения А. наказания, не связанного с лишением свободы, явно противоречил позиции его доверителя А., настаивавшего на освобождении его от уголовной ответственности.

Как указано выше, адвокат Г. подтвердил, что содержание своей апелляционной жалобы он с А. не согласовывал. Доказательств согласования данной апелляционной жалобы с П. адвокат Г. также не представил. Последняя названное обстоятельство категорически отрицает. При этом согласование позиции с П. во всех случаях не могло подменить ее согласование с получателем юридической помощи – А. Доказательства принятия адвокатом Г. каких-либо мер к такому согласованию в материалах дисциплинарного производства отсутствуют.

Наконец, Совет отмечает, что и в заседании суда апелляционной инстанции адвокат Г. поддержал вышеприведенную противоречивую позицию, что отражено в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 02 апреля 2023 года.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А. при описанных обстоятельствах. Презумпцию добросовестности адвоката Г. Совет признает опровергнутой также и в данной части.

Вместе с тем, Совет не усматривает доказательств, свидетельствующих о том, что такое поведение адвоката Г. было умышленно направлено против законных интересов доверителя. Доказательств того, что адвокат Г. действовал, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, в том числе со стороны Ас. Е.В., заявителем и его представителями не представлено. В связи с этим оснований для вывода о нарушении адвокатом Г. требований пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет не усматривает.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал вину в допущенных нарушениях, обязался пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей, имеет длительный стаж адвокатской деятельности. Совет также принимает во внимание позицию представителей заявителя, которые просили применить к адвокату С. наименее строгую меру дисциплинарного воздействия. Вместе с тем, Совет учитывает умышленный характер совершенных адвокатом С. нарушений, свидетельствующий об игнорировании им обязательных профессиональных требований. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет длительный стаж адвокатской деятельности. Вместе с тем, Совет учитывает умышленный и грубый характер совершенных адвокатом Г. нарушений, их неоднократность, что свидетельствует о демонстративном игнорировании им основополагающих обязательных профессиональных требований, включая запрет действовать вопреки позиции и интересам доверителя.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 и 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

1) неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (Протокол № 8), п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся в том, что, действуя в качестве защитника А. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, находившемуся в производстве С. районного суда города Москвы (уголовное дело … в суде первой инстанции), а затем - Московского городского суда (уголовное дело № … в суде апелляционной инстанции), он:

- представил в материалы вышеуказанного уголовного дела ордер от 15 ноября 2023 года № …, выданный ему Адвокатским бюро «П.» «на ознакомление с уголовным делом № … в С. районном суде города Москвы, составление апелляционной жалобы в интересах А., участие в суде апелляционной инстанции» с 15 ноября 2023 года, а также ордер от 27 ноября 2023 года № 032, выданный ему Адвокатским бюро «П.» «на составление и подачу апелляционной жалобы в интересах А. в Московский городской суд, участие в судебных заседаниях» с 27 ноября 2023 года, содержащие недостоверные сведения о заключении адвокатом С. в простой письменной форме в порядке, установленном ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 50 УПК РФ, соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего осуществление защиты А. в уголовном судопроизводстве;

- оказывал доверителю А. юридическую помощь в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи на защиту А., заключенного с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 1 ст. 50 УПК РФ, а лишь на основании устной договоренности с А., а именно: ознакомился 15 ноября 2023 года с материалами уголовного дела № 1-750/23 в С. районном суде города Москвы и подал в судебную коллегию по уголовным делам Московского городского суда (через С. районный суд города Москвы) апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А.;

- не согласовал предварительно с доверителем А. содержание поданной им апелляционной жалобы от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер …в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе А. от 13 ноября 2024 года (вх. № .. от 18.11.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии)

адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер .. в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), пп. «б» п. 4, п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8), профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся в том, что, действуя в качестве защитника А. в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, находившемуся в производстве С. районного суда города Москвы (уголовное дело …. в суде первой инстанции), а затем - Московского городского суда (уголовное дело .. в суде апелляционной инстанции), он:

- представил в материалы вышеуказанного уголовного дела ордер от 22 ноября 2023 года № …, выданный ему филиалом «Ц.» коллегии адвокатов «М.» на «Апелляционное обжалование А. в Московском городском суде на стадии апелляционного обжал.» с 22 ноября 2023 года, содержащий недостоверные, по крайней мере на дату его выдачи, сведения о заключении адвокатом Г. соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего осуществление защиты А. в уголовном судопроизводстве;

- приступил к оказанию юридической помощи доверителю А. в отсутствие его согласия на оказание ему юридической помощи, составив не позднее 27 ноября 2023 года в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи А. апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А.;

- в отсутствие согласия А. на осуществление его защиты адвокатом Г. подал апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А., а затем принял участие в качестве защитника А. по вышеуказанному уголовному делу в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда 02 апреля 2024 года при рассмотрении апелляционных жалоб, поданных на

вышеуказанный приговор защитниками А. – адвокатами Г. и С. (уголовное дело № .. в суде апелляционной инстанции);

2) неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся в том, что, подав не согласованную с доверителем А. апелляционную жалобу от 27 ноября 2023 года на приговор С. районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 года, вынесенный по уголовному делу № … в отношении А., в ее просительной части изложил в том числе просьбу об изменении приговора и назначении А. наказания, не связанного с лишением свободы, а затем поддержал в том числе и данную позицию в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда 02 апреля 2024 года по уголовному делу № .. в отношении А., тем самым заняв по делу позицию, противоположную позиции отсутствующего в судебном заседании суда апелляционной инстанции доверителя – осужденного А., который в ходе судебного разбирательства в С. районном суде города Москвы по этому же уголовному делу занимал позицию о необходимости его освобождения от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291.1 УК РФ.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе А. от 13 ноября 2024 года (вх. № … от 18.11.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**